

шения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением»...

После официальной, торжественно обставленной, прощальной аудиенции, меня пригласили в знакомое мне помещение Намгана. Здесь был предложен мне обычный чай... как вдруг совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, появился Далай-лама в самой простой непринужденной обстановке, к которой я так привык в последнее время. Мы приветливо раскланялись и сели друг против друга. Далай-лама повел вновь

Тибетская соболья шапка.

рассказ о России, восхищаясь ее техникой, машинами, инструментами, а равно и вооружением русской армии, начиная от револьвера системы «Наган»¹⁾ до крепостных или морских дальнобойных орудий собственного производства... Затем, Далай-лама сказал: «не забудьте привезти для меня лучшей русской желтой суконной ткани, вроде сукна вашего (парадного) костюма». Я в ответ поклонился Далай-ламе и его поручение занес в памятную книжку. Заметив это, Далай-лама произнес: «это хорошо; кстати запишите

и второе мое поручение, о высылке из Петербурга на мое имя фотографических снимков вашего путешествия!»

Последнее прощание было самое трогательное: сам собою этикет отошел в сторону. Я понял душу Далай-ламы и поверил в искренность его милого приглашения в его Лхасу!...

Вскоре после этого, мы расстались и с министрами Далай-ламы и с его двором вообще; мне сделалось очень грустно, с одной стороны, с другой же — я чувствовал себя счастливым. Грустное чувство овладевало мною всё сильнее и сильнее, потому главным образом, что я не мог, не имел возможности, теперь же примкнуть к свите Далай-ламы, чтобы направиться в сердце Тибета вместе с его верховным хозяином...

¹⁾ С которым, между прочим, Далай-лама был хорошо знаком по экземпляру, полученному им на память от русской экспедиции.